
«ИМПЕРСКИЙ КОНСЕНСУС» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА АНГЛИИ ПРЕДОТВРАТИТЬ РАСПАД БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В.М. Заболотный

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Россия, Москва, 117198

Статья посвящена последнему периоду истории Британской империи, известному под названием «империализм». После англо-бурской войны Великобритания предпринимает отчаянные попытки реформировать дряхлеющую империю и скрепить ее новыми, более привлекательными идеями «имперского консенсуса». Именно в этот период времени зарождаются первые институты Британского содружества наций и первые идеи преобразования слабеющей империи в жизнеспособное сообщество десятков стран и народов. Нет сомнения, что в этот непростой период Великобритания подготовила прочную базу под будущее Содружество.

Ключевые слова: Британская империя, «имперский консенсус», империализм, национально-освободительное движение, Британское содружество наций, Вестминстерский статут.

Мировое лидерство Великобритании, высокий международный авторитет, а также политическое, экономическое и военное могущество были связаны с колониальной империей, причем не главным образом, а исключительно. Еще в начале XVII в. Англия представляла собой в лучшем случае среднеразвитое феодальное государство, находящееся на окраине феодальной Европы. И только активная экспансионистская политика после Английской буржуазной революции середины этого столетия позволила Великобритании занять ведущее место среди великих европейских держав и значительно потеснить старых колониальных хищников.

Первые успехи вскружили голову амбициозным англичанам и усыпили их бдительность. Успешная Война за независимость 13 Североамериканских колоний Англии и образование на их территории Соединенных Штатов Америки заметно охладил «колониальный зуд» метрополии и заставили ее извлечь надлежащие уроки из унижительного поражения. Следует отметить, что англичане оказались весьма способными учениками по части «невывученных уроков», хотя этот процесс растянулся на долгие годы и неоднократно приводил к тщетным попыткам вернуть утраченную колониальную собственность. Достаточно вспомнить англо-американскую войну 1812–1814 гг., которую не без оснований называют второй Войной за независимость.

Окончательно потеряв колониальные владения в Северной Америке, Великобритания неожиданно для себя снова превратилась в небольшое островное государство с ограниченным влиянием на европейскую политику. Многие британские историки считают, что возрождение колониальной политики Англии началось с завоевания Индии и что «Британская империя была спасена... на Востоке» (1). Разумеется, подобная точка зрения имеет право на существование, однако следует напомнить, что помимо завоевания Индии в Англии произошло еще как минимум два важнейших события, во многом определивших дальнейшую судьбу империи.

Во-первых, во второй половине XVIII в. в Англии развернулась и с оглушительным успехом завершилась промышленная революция, на долгие годы обеспечившая этой стране лидерство в мировом промышленном производстве. Англию того времени называли «промышленной мастерской», в которой производилась почти половина всей промышленной продукции мира. А это не только фабрики и заводы, но и пароходы, паровозы и самая передовая военная техника, без которой освоение огромных колониальных просторов было бы практически невозможно. Печальный опыт Испании и ее колоний тому свидетельство (2).

Во-вторых, Великобритания, потерпев очередное поражение в войне с бывшими американскими колониями в 1812–1814 гг. и окончательно расставшись с мечтами вернуть себе утраченные территории, стала лихорадочно искать новые формы и методы обуздания колоний, включая, разумеется, Канаду. Англии удалось отстоять эту территорию, однако англичане понимали, что этот успех был временным и что малейшие ошибки в колониальной политике могут привести к новой войне и потере огромных территорий на Севере Американского континента. Именно поэтому в 1860-х гг. Лондон предложил Канаде новый «имперский консенсус», в соответствии с которым эта колония обретала статус «доминиона» и получала весьма широкие права внутренней автономии, включая избрание собственного местного правительства и право самостоятельно решать внутренние проблемы.

Таким образом, первый опыт реформирования империи и создания нового порядка в этом сообществе был связан не столько с завоеванием Индии, сколько с образованием США и впечатляющими результатами промышленного переворота в Англии, что, впрочем, нисколько не умаляет роль Индии в формировании крупнейшей в мире колониальной империи (3). Именно в это время и получает широкое распространение термин «империализм» (4).

И вся эта громадная империя, «над которой никогда не заходило солнце», оказалась серьезно подорванной в результате англо-бурской войны. Англия по-прежнему обладала крупнейшим в мире торговым и военно-морским флотом и надежно контролировала все морские коммуникации, однако на горизонте уже появился новый конкурент, бросивший вызов ее морскому могуществу – кайзеровская Германия, приступившая к перевооруже-

нию армии и созданию мощного военно-морского флота. Как отмечал в одной из своих работ Э. Галеви, «англичане все еще с гордостью могли взирать на свой огромный торговый флот, тоннаж которого был равен тоннажу флотов всех прочих стран... однако стоимость английского экспорта все время падала, в то время как в США и Германии она возрастала» (5).

Кроме того, у англичан была еще одна причина для беспокойства. После викторианского бума 1870-х гг. экономика Великобритании вошла в состояние стагнации, а к началу нового столетия Англия окончательно перестала играть роль «всемирной мастерской». Германия и Соединенные Штаты не только догнали Англию, но и значительно превзошли ее экономику благодаря новым индустриальным методам производства и интенсивному внедрению достижений науки и техники. «К началу двадцатого века, – отмечают британские историки, – Британия стала напоминать бегуна, который был впереди на пять шагов в самом начале индустриальной гонки, однако позже утратил свое преимущество и сократил дистанцию до одного шага» (6).

Правящие круги Великобритании быстро почувствовали перемены, наступившие как в Англии, так и во всем мире. Они предприняли отчаянные попытки вернуть стране ее прежние лидирующие позиции в мире, однако все их попытки оказались напрасными. В одном из докладов, подготовленных британскими экономистами по заказу правительства консерваторов, говорилось, что «упадок английской торговли и безудержное снижение конкурентоспособности английских товаров ставит под сомнение существование страны как главной мастерской мира, и что иностранные державы неудержимо рвутся в те районы мира, где Англия раньше господствовала безраздельно» (7).

Как уже отмечалось выше, до конца XIX в. понятие «империализм» не содержало в себе сколько-нибудь негативной эмоциональной или политической окраски. В большинстве случаев оно использовалось для обозначения активности того или иного государства за пределами собственных границ. Однако в последующий период времени и, в особенности, в начале XX в. в это понятие стал вкладываться иной смысл. Именно в это время, как отмечают современные западные специалисты, «более развитые страны Западной Европы и Соединенные Штаты Америки стали предпринимать первые попытки навязать свою волю менее развитым странам путем самых разнообразных средств, включая физическое насилие и территориальную оккупацию» (8). Однако чаще всего слово «империализм» стало означать самый обыкновенный колониализм со всеми вытекающими отсюда последствиями (9).

Многим в Англии тогда казалось, что единственным спасением британской экономики является быстрый рост зарубежных инвестиций, однако был и другой способ избежать широкомасштабного экономического кризиса – более эффективно использовать огромные сырьевые ресурсы империи и ее практически безграничные рынки сбыта промышленных товаров. Сторонники подобного подхода стали призывать британское правительство отка-

заться от принципов свободной торговли и перейти к протекционистским мерам по защите внутреннего имперского рынка.

Главным инициатором такой политики стал министр колоний Джозеф Чемберлен, занимавший этот пост с 1895 по 1903 г. Именно он предложил ввести принцип «имперских преференций» в торговле со своими неподопечными территориями, что самым серьезным образом подрывало традиционную политику свободной торговли обеих правящих партий. Однако это не остановила энергичного Дж. Чемберлена, который решил во что бы то ни стало укрепить пошатнувшиеся основы империи и добиться дальнейшей ее консолидации на принципах имперской федерации и имперского протекционизма. «Империализм за рубежом и социальные реформы внутри страны» – таков был призыв воинственного министра колоний (10).

Метрополия все еще надеялась, что с помощью имперских реформ ей удастся сохранить в наступившем XX в. ту же самую доминирующую роль в мире, какую она играла в предыдущем столетии. Однако англо-бурская война развеяла эти надежды. Имперская федерация расползалась по швам и, казалось, уже ничто не может остановить этот процесс. Автономные «белые доминионы» хотя и поддержали метрополию в англо-бурской войне, не испытывали никакого желания подчинять свою быстро растущую национальную идентичность абстрактным схемам имперского федерализма. Примерно такого же мнения придерживались и лидеры национально-освободительного движения в Индии, которые стали выдвигать все более радикальные требования о независимости. Что касается других колоний империи, то они просто ждали удобного случая, чтобы предъявить метрополии свои требования.

Разумеется, министр колоний Дж. Чемберлен стал упрямо доказывать соотечественникам, что империализм неразрывно связан с процветанием Англии и ее эффективными социальными реформами. Одно без другого существовать не может, а выгоды от имперской торговли неизбежно скажутся на благополучии всех жителей Британских островов. Многие британские историки отмечают, что это был весьма заманчивый, но при этом «иллюзорный» лозунг (11). Ведь на самом деле никто тогда не мог доказать или опровергнуть этот пропагандистский тезис британских консерваторов, кроме, разумеется, легендарного строителя Британской империи С. Родса. Но он умер в марте 1902 г., а «империя, для создания которой Родс так много сделал, превратилась сперва в Британское содружество наций, а затем просто в Содружество» (12).

Сесил Родс был уникальным человеком, однако не единственным в своем роде. Примерно такую же роль в это время сыграл вице-король Индии лорд Керзон, в Южной Африке не менее значительную роль сыграл губернатор Капской провинции Альфред Милнер, а в Западной Африке – Фредерик Лугард. Вместе с Родсом эти три человека в полной мере воплотили давнюю мечту англичан о единой империи. Можно вполне согласиться с британскими историками, что это были «идеалы справедливого правления,

высоких стремлений, государственного служения и разумной приверженности интересам Великобритании» (13). Однако при этом они часто пренебрегали привычными британскими законами, нарушали традиционные права туземного населения и проявляли неслыханную жестокость в отношении непокорных смутьянов. Так, например, А. Милнер часто пренебрегал предписаниями из Лондона и всячески насаждал в покоренных провинциях Южной Африки расистские законы, обвиняя правительство Англии в предательстве интересов империи.

Первым признаком начавшейся в империи реорганизации стала коронация нового короля Эдуарда VII после смерти королевы Виктории. В 1902 г. в Лондон съехались все премьер-министры так называемых самоуправляющихся колоний, которые уже получили название «белых доминионов»: представители Австралии, Новой Зеландии, Канады, а позже и Южной Африки. Премьер-министр А. Дж. Бальфур поручил своему верному соратнику-сопернику Джозефу Чемберлену провести разъяснительную работу с коллегами из «белых доминионов», что тот успешно сделал, несмотря на острую критику со стороны либералов. Дело в том, что после англо-бурской войны по стране пополни небезосновательные слухи, что на самом деле это была война Чемберлена, так как именно его семейство якобы заработало огромные деньги на военных поставках и заказах военного ведомства (14).

В результате громкого скандала Чемберлен проиграл парламентские выборы А. Бальфурю, однако добился заметного влияния в высших политических кругах и фактически стал лидером юнионистов, добивавшихся введения протекционистских мер по защите экономических интересов империи. Словом, он стал главным специалистом по реорганизации империи в духе нового времени и все более возрастающей конкуренции со стороны других держав.

Англо-бурская война и ее последствия подтолкнули Чемберлена к мысли, что наиболее преданные доминионы Англии должны оказывать метрополии всемерную помощь в укреплении империи, не исключая и некоторые финансовые обязательства. На что они ему ответили, что «если вы хотите заручиться нашей поддержкой, то не стесняйтесь обращаться к нам за советом» (15).

После столь вдохновляющего результата переговоров Джозеф Чемберлен приступил к наведению порядка в имперском хозяйстве. Он разработал новую систему преференций и тарифов для жителей империи, защищавших ее от проникновения товаров других стран, позаботился о защите рубежей империи и подвел итог тридцатилетней политике территориальной экспансии. Так, например, он подсчитал, что за период 1870–1900 гг. Великобритания вложила в расширение экономики империи более 2 млрд фунтов, приобрела около 4, 75 кв. миль земли, покорила более 88 млн человек и фактически завершила длительный процесс территориального оформления империи (16).

Следует отметить, что именно в это время в Англии разворачиваются горячие дискуссии относительно имперской политики правящих кругов страны. В 1902 г. в Лондоне выходит знаменитая книга Дж. Гобсона «Империализм», в которой он не только разоблачает имперскую политику Англии, но и подвергает сомнению саму «моральную основу империалистической системы... базирующуюся на коррупции и моральной деградации» (17).

Однако в целом голоса либеральных критиков британского империализма заглушались столь же многочисленными сторонниками такой политики, которых все чаще стали называть либерал-империалистами. Правда, они тоже нередко критиковали отдельные методы колониального порабощения народов, однако в целом оправдывали существование самой системы империализма. В начале XX в. они еще оказывали весьма существенное влияние на формирование колониальной политики, но в последующие годы их роль в британской внешней политике стала заметно ослабевать.

Следует отметить, что ни те, ни другие не были типичными представителями своей страны. Большинство простых англичан воспринимало империю как некую данность, которая затрагивает их насущные интересы в последнюю очередь. Разумеется, в годы острых кризисов или авантюрных приключений колониальной армии, как, например, печальная участь генерала Гордона в осажденном Хартуме, у англичан просыпались имперские настроения, однако в целом они оставались равнодушными к судьбе империи. Как остроумно заметили британские историки Д. Джадд и П. Слинн, «дебаты по индийскому бюджету могли в одночасье опустошить Палату общин, а успехи чиновников в далеком Ашанти вряд ли могли вдохновить докеров Каннинга или безработных Гласвегиана» (18).

С 1887 г. правительство Великобритании стало регулярно созывать консультативные совещания, на которые приглашались представители «белых доминионов», а в 1907 г. эти территории обрели официальный статус самоуправляющихся членом Британского содружества наций, что давало им право на проведение самостоятельной внешней политики и заключения международных договоров и соглашений. Именно в таком качестве они принимали участие в Парижской мирной конференции, которая подвела итоги первой мировой войны, и подписали Версальский договор.

На имперской военной конференции 1917 г. принцип равенства сторон в Британской империи получил новое развитие. Премьер-министр Канады Р. Борден заявил в своей речи о существовании «Содружества Объединенных Наций», а представитель Южной Африки генерал Смэтс впервые произнес непривычное для англичан словосочетание «Британское Содружество Наций», после чего новое название империи стало появляться во всех официальных документах. Правда, термин «содружество» еще долго воспринимался как синоним «империи», на чем настаивал премьер-министр Англии Розбери еще в 1884 г. (19).

Более того, в 1923 г. за доминионами было закреплено право не признавать себя связанными договорами и соглашениями, заключенными метрополией без их согласия, а к 1926 г. все доминионы обзавелись собственными представителями в иностранных государствах. Казалось, что сбываются предсказания немецкого историка и философа О. Шпенглера о том, что «окаменелые формы империализма... могут просуществовать еще целые столетия и тысячелетия, переходя из рук одного завоевателя к другому». Однако тут же добавляет, что на самом деле этот процесс «следует понимать как символ начала конца» (20).

В 1926 г. на очередной имперской конференции были окончательно утверждены принципы взаимоотношений внутри Содружества, где доминионы определялись как «независимые сообщества внутри Британской империи, равные по политическому статусу, ни в коей мере не подчиненные друг другу во внутренних и внешнеполитических делах, объединенные общей приверженностью Британской Короне и свободно ассоциированные в качестве членов Британского содружества наций» (21).

Последнюю точку в реформировании Британской империи поставил Вестминстерский статут 1931 г., одобренный на имперской конференции 1930 г. В нем говорилось, что к доминионам больше не будет применяться термин «колония», однако не упоминался принцип равенства сторон и не раскрывалась сама природа Содружества. В связи с этим британский специалист по Британской империи Д. Холл справедливо заметил, что «подобное упущение явно было намеренным» (22). Правда, при этом британское правительство признавало, что с этих пор британский парламент не считается «имперским», а законодательные органы доминионов даже с формальной точки зрения уравниваются с Вестминстером. Это неизбежно приводило к тому, что в последующие годы многие доминионы стали использовать Вестминстерский статут в качестве надежной юридической основы для решения «своих собственных политических целей» (23).

Это действительно было началом конца, хотя Британская империя еще долго существовала как в умах людей, так и в военных операциях или торгово-экономических отношениях. Она благополучно пережила Вторую мировую войну и первые послевоенные годы, причем каким-то странным образом это сообщество примиряло консерваторов с либералами, патриотов с революционерами, антиимпериалистов с империалистами. Вероятно, правы были классики марксизма, когда отмечали, что «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается... Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» (24).

Вряд ли стоит полагать, что правящие круги Великобритании не понимали, что с каждой реформой империи они приближают ее конец. Думается, что понимали, но отказаться от реформы уже не могли. Если бы не преобра-

зования первой половины XX в., то внезапный и практически не контролируемый распад Британской империи мог вызвать взрыв национальной энергии такой чудовищной силы, что даже две мировые войны показались бы незначительными событиями мировой истории. Во многом благодаря британским реформаторам этого времени до сих пор существует Содружество наций, эффективность которого сейчас не оспаривают даже самые ярые его противники.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подобную точку зрения отстаивает даже известный английский историк Дж.М. Тревельян, который в других случаях весьма критически оценивает результаты колониальной экспансии Англии. См.: *Trevelian J.M. British History in the Nineteenth Century (1782–1901)*. – Lnd., 1922. – P. 42.
- (2) О. Волосюк резонно замечает, что «Англия, основной противник Испании в XVIII в., добившись уменьшения влияния Испании на европейской сцене, поставила себе задачу потеснить ее и в Новом Свете». См.: *Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений: монография*. – М., 2011. – С. 201.
- (3) Преувеличение роли Индии в становлении и развитии Британской империи было вызвано, скорее всего, личным отношением королевы Виктории к этой колонии. Так, например, во время восстания сипаев она очень переживала по поводу жестокой резни местного населения и сделала все возможное, чтобы устранить ее чудовищные последствия. Именно поэтому она ликвидировала Ост-индскую компанию, ввела прямое правление в Индии и торжественно провозгласила, что в этой колонии «будет соблюдаться религиозная терпимость и уважением к местным обычаям и традициям». Кроме того, королева даровала прощение всем повстанцам, которые не участвовали в избиении европейцев. См.: *Hibbert Ch. Queen Victoria. A Personal History*. – Lnd., 2000. – P. 251.
- (4) Следует отметить, что в Англии термин «империализм» имел поначалу вполне respectable звучание. Тогда многие считали, что Британская империя не имеет ничего общего с «варварской» Российской империей и уж тем более с Османской. «Господство англичан над азиатами и африканцами, – отмечали известные британские историки Д. Джадд и П. Слинн, – казалось им естественным состоянием всего мирового порядка». См.: *Judd D., Slinn P. The Evolution of the Modern Commonwealth, 1902–80*. – Lnd., 1982. – P. 8.
- (5) *Галеви Э. История Англии в эпоху империализма*. – М., 1937. – С. 10–11.
- (6) *Judd D., Slinn P. The Evolution...* – P. 7.
- (7) *Cort W. British Economic History*. – Cambridge, 1965. – P. 20.
- (8) *Kapow J. Western Civilization. Mainstream Readings & Radical Critiques*. – Vol. 2: From the French Revolution to the Present. – N.Y., 1973. – P. 229.
- (9) Многие современные исследователи называют этот период «первой волной глобализации», с чем трудно согласиться, поскольку стремление к территориальной экспансии характерно для всей истории человечества, а не только для капитализма после Великих географических открытий. См., напр.: *Шапинов В. Империализм от Ленина до Путина*. – М., 2007. – С. 13–14.
- (10) *Kaplow J. Western Civilization...* – P. 8.
- (11) *Ibid.* – P. 9.

- (12) Давидсон А. Сесил Родс – строитель империи. – М., 1998. – С. 441.
- (13) Judd D., Slinn P. – The Evolution... – P. 9.
- (14) Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. – М., 1990. – С. 212.
- (15) Lloyd T.O. The British Empire. 1558–1983. – Lnd., 1984. – P. 256.
- (16) Ibid. – P. 258.
- (17) Judd D., Slinn P. The Evolution... – P. 12.
- (18) Ibid. – P. 13.
- (19) Гаврилов Ю.Н. Британское содружество наций: из опыта сохранения и упрочения влияния метрополии // Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М., 1999. – С. 112.
- (20) Шпенглер О. Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории / Пер. с нем. – М., 1998. – Т. 1: Образ и действительность. – С. 54.
- (21) Griffiths P. Empire into Commonwealth. – Lnd., 1969. – P. 246.
- (22) Hall H.D. Commonwealth: A History of the British Commonwealth of Nations. – Lnd., 1971. – P. 710.
- (23) Judd D., Slinn P. The Evolution... – P. 63.
- (24) Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 7 октября 1858 года // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1947. – С. 105.

**«IMPERIAL CONSENSUS»:
THE LAST ATTEMPT OF ENGLAND
TO PREVENT DISINTEGRATION OF THE BRITISH EMPIRE**

V. Zabolotny

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Russia, Moscow, 117198

The article deals with the last period of the British Empire well known by the term «imperialism». After the Boer war Britain undertakes serious attempts to reform the failing Empire and to strengthen it by new and more attractive ideas of «imperial consensus». Exactly at that time the first institutions of the British Commonwealth of Nations came into being. There is no doubt that at this complicated period England has prepared reliable background for the future Commonwealth.

Key words: British Empire, «imperial consensus», national-liberation movement, British Commonwealth of Nations, Statute of Westminster.